
ВЕЩИ. АКТУАЛИЗАЦИЯ

А. В. Толстокорова

**ДЕЛО В ШЛЯПЕ: РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭМАНСИПАЦИИ В ГЕНДЕРНОЙ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ТЕЛЕСНО-ФИЗИЧЕСКОГО ИМИДЖА УКРАИНСКОЙ ГО-
РОДСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В последнее десятилетие основным трендом мирового развития стала глобализация, зиждущаяся на трех китах: торговле товарами, потоках капиталов и мобильности людей. Возможности использования человечеством свободы передвижения, возросшие благодаря техническим достижениям последнего столетия, предопределили возникновение новой парадигматической перспективы в социальных науках — «парадигмы мобильности» [41], направленной на исследование вопросов мобильности и уделяющей особое внимание междисциплинарному диалогу на тему концептуального сдвига от изучения оседлого образа жизни к исследованию социальных импликаций мобильности.

В рамках этой парадигмы выполнено и данное исследование, основной целью которого является изучение независимой пространственной мобильности украинских женщин с исторической точки зрения и с позиций гендерно-ориентированного анализа. Актуальность данной темы определяется социальным заказом на концептуализацию различных аспектов автономной мобильности женщин как исторически нового явления, ставшего объектом изучения в последние десятилетия в силу усиливающегося феминизации международной миграции, отмечаемой в том числе и в Украине [43]. Одной из задач исследования, решению которой посвящена данная работа, является идентификация влияния процесса освоения женщинами пространственно-физической свободы в публичной сфере на рубеже 19-го и 20-го столетий на демократизацию телесно-физического имиджа украинской горожанки с использованием метода «историоскопа»¹.

Научная новизна работы состоит во введении аналитического концепта *«пространственной эмансипации»*, через призму которого рассматривается обозначенная научная проблема. При этом данное понятие предлагается понимать в качестве расширения социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин как гендерной группы для достижения пространственной свободы в публичной сфере.

¹ «Историоскоп» - инструмент-термин, предложенный Л. Гумилёвым для обозначения предмета исторического рассмотрения: от истории человечества в целом до истории отдельного человека. В данном исследовании он применяется для рассмотрения истории становления пространственной эмансипации украинских женщин.

Мода как фактор пространственной депривации женщины ее и эксклюзии из публичной сферы: «сними обувь твою»

В патриархальном обществе физическое и социальное пространство женщины и мужчины строго сегрегировано на основании принципа гендерной бинарности. Античная формула «дом – мир женщины, мир – дом мужчины» не теряет своей актуальности уже несколько тысячелетий. Женщина ассоциируется прежде всего со сферой внутреннего, приватного: домом, семьей, детьми, а в области внешнего, публичного, т. е. в производственных, корпоративных и политических отношениях, господствует мужчина. При этом приватное пространство находится под покровительством и в экономической зависимости от публичного. Гендерные роли женщины оказываются за пределами сферы гражданственности и, имея низкую социальную ценность, не позволяют полноправного участия в процессе принятия решений и общественной деятельности. Доступ в сферу публичного для дамы, особенно привилегированного класса, жестко ограничен, поскольку считается, что сам факт ее нахождения за порогом дома означает физическую доступность и предполагает возможность внебрачных интимных отношений. Поэтому мобильность женщин в публичном пространстве строго контролируется и регламентируется обществом в целях «поддержания целостности семьи и всего общества» [7]. В этой связи исследователи отмечают, что «борьба за сохранение традиционных семейных ценностей (читай, «за целостность и стабильность общества») всегда и везде (т.е. во всех странах и во все времена) начиналась с контроля за внешним проявлением «морального облика» женщин и подростков (читай, контроль за тем, что они носят). Как только вы услышите краем уха, что «рассматриваются многочисленные пожелания граждан», ратующих за возврат к «скромной школьной форме», можете быть уверенными — началась очередная кампания за увеличение рождаемости, и не важно под каким соусом подается борьба со школьницами в мини-юбках» [7].

Действительно, социальный контроль женской телесно-физической ипостаси чаще всего осуществляется в завуалированной форме и как правило не осознается рядовыми членами общества, поскольку ему придается характер общественного престижа, оптимальной нормы поведения (mode of conduct) в определенной социальной группе, а также идеала гендерированного поведения — женственности или мужественности. Иначе говоря, он принимает характер «моды», «как постоянного и с позиций разума недостаточно объяснимого стремления к изменению всех форм проявления культуры» [10, с. 11]. Мода является востребованным социальным институтом, поскольку неукоснительное следование ей дает пропуск в элитные слои данного сословия.

Исторически, методы социального контроля пространственной свободы женщины могли приобретать весьма изощренные и даже жестокие формы. Так, в буддистском Китае этой цели

(хотя не только ей) служила традиция «бинтования ног», деформировавшая их настолько, что в результате такие «ноги лотоса» практически теряли свою функциональность и служили исключительно декоративной цели [38] (рис. 1).

Рис. 1. «Нога лотоса». Интернет источник <http://botinok.co.il/node/77205>

Традиционной и весьма утонченной формой подспудной регламентации пространственной свободы женщины являются каблуки. Исследователи [29] подметили, что мода на них непосредственно зависит от социального заказа (а скорее потребности правящих кругов) на массовое присутствие женщин в публичном пространстве, в частности составе трудовой силы. Так, в США и Европе после Второй мировой войны, когда мужчины стали возвращаться на свои рабочие места, занятые на период войны женщинами, последние стали лишними на рынке труда и всячески поощрялись оставлять работу, чтобы заниматься семьей и домом. Именно в этот период в моду входят высокие каблуки, ограничивающие физическую свободу женщины. Следующая волна интереса к ним со стороны индустрии моды приходится на годы консервативной реакции конца 1970-х гг., которым, как несложно предположить, предшествовал период популярности удобной и комфортной обуви.

К каблукам и платформам как формам регламентации свободы передвижения женщины прибегали во все времена и у разных народов. В Манчжурии для этого использовались громоздкие и неудобные «каблуки-чопины», достигавшие иногда 25 см в высоту (рис. 2).

Манчжурская женская обувь.

Каблуки-чопины

Рис. 2. Источник: Интернет-сайт <http://botinok.co.il/node/77205>

Затем мода на них перекочевала в Европу. Они прижились в Испании, где получили название «цоколли» (рис. 3) или «альбарка» (рис. 4), и в Итальянской Венеции, где в качестве «чополли» выросли до полуметра (рис. 5).

Рис. 3. Цоколли

Рис 4. Albarca de Cantabria

Источник: Интернет сайт <http://botinok.co.il/node/77205>

Обувь этого типа была распространена среди аристократок в Турции и Марокко («кабкабы» и «налины»), Германии и Англии (металлические «паттены») (рис. 6).

Передвигаться на таких «ходулях» по узеньким мощеным улочкам средневековых городов женщинам было сложно, поэтому им требовались сопровождающие, поддерживающие их под руки. Таким образом, женщина всегда находилась под чьим-то зорким наблюдением, а ее репутация была вне подозрения. Однако очень скоро то, что вначале было лишь удобной практикой безопасного поведения в общественных местах, приобрело характер предписания, поведенческого кодекса и, соответственно, «интеракционного порядка» [35], т.е. норм взаимодействия женщины с окружающим ее пространством. Знатная дама уже просто не имела права появляться на улицах города без сопровождения, а если и выходила из дома, то только для светских развлечений и походов по магазинам в компании кого-то из домашних.

Рис. 5. Венецианские каблуки

Рис. 6. Металлические паттены (обувь для грязи).

Интернет источник <http://botinok.co.il/node/77205>

Одинокaя женщина в пути вызывала подозрения любого мужчины, ее могли остановить и спросить, почему она не находится у себя дома [9]. Ее автономное передвижение вне дома стало нелегитимным и, оказавшись по каким-то причинам одна в публичном пространстве, женщина вынуждена была скрывать свою идентичность либо чадрой, как на мусульманском Востоке, либо вуалью, как в Европе, либо даже маской, как в Венеции. Интересно, что к женщинам простых сословий, зарабатывающих на жизнь физическим трудом, такие требования не предъявлялись. Даже в более поздний период модернизации это явление не изжило себя. Например, в таком «модернизованном» городе, как бразильский Буэнос Айрес женщине из «приличной семьи» не полагалось появляться за пределами дома одной. Если же она на это отваживалась, то непременно сталкивалась с недоброжелательными взглядами и даже освистыванием [37] (цит. по [34]).

Менее экзотической, но не менее эффективной формой социального контроля физической свободы и мобильности элитных (т.е. дорогостоящих) женщин был покрое одежды и аксессуары. Исследователи указывают, что одежда не только предопределяет идеологию, согласно которой женщины и мужчины принадлежат к разным сферам существования в силу различия их телесных форм, но и в буквальном смысле ограничивает физическую свободу женщин [29]. Традиционно узкие, обтягивающие платья китаянок сковывали их движения и затрудняли передвижение. У европейских женщин ту же рестриктивную функцию выполняли тяжелые корсеты из стали и китового уса, громоздкие кринолины, огромные шляпы с широкими полями и нагромождением перьев и других украшений (рис. 7).

Рис. 7. Наряд периода позднего рококо. Источник: Интернет-сайт

<http://olga74ru.dreamwidth.org/29070.html>

Знаменательно, что хотя корсеты воспринимались многими современниками как «орудие пытки», в котором видели причину многих женских болезней, мода на них держалась начиная с эпохи Возрождения и вплоть до 20-го века [22]. Считается, что одежда конструирует культурный идеал пассивности и декоративности женщины. Этой цели служили, например тоненькие «осиные» талии и округлые силуэты женской одежды викторианской моды, которая к тому же зажала руку женщины в такие узкие, обтягивающие рукава, что резкие жесты в них были практически невозможны [29]. В таком неудобном облачении минимальная подвижность была самым разумным способом поведения для дам. А если при этом на их головах размещались целые композиции (доходившие иногда до одного метра в высоту) из птиц, статуй, кораблей и даже мини-садов с крошечными искусственными деревьями, вошедшие в моду во Франции при дворе Марии-Антуанетты (рис. 8), то передвижение их счастливых обладательниц существенно затруднялось [10].

Рис. 8. Прически XVIII века. Источник:

Интернет-сайт <http://neobychno.com/1209/pricheski-xviii-veka-istoriya-neobychnyx-zhenskix-prichesok-30-foto/>

Эти и подобные им приспособления практически лишали особу женского пола возможности самостоятельного передвижения за пределами домашней сферы и фактически служили цели ее «одомашнивания» [33] и следовательно — «оприватнивания», т.е. ограничения ее жизненного пространства приватной сферой. Гипертрофированной формой этой тенденции стало вынужденное затворничество женщин, когда они принудительно удерживались в пределах женской территории домашнего пространства, покидать которое могли только с разрешения отца или мужа. Эта «крепость-тюрьма» становилась микрокосмом женщины, призванным оберегать ее не только от превратностей внешнего мира, но и от постороннего мужского взгляда. К примеру, уделом знатной флорентийки эпохи Возрождения было взирать на мир через узенький раствор окна в своей комнате [45]. Подобную судьбу разделяла и Османская турчанка, которой позволялось изучать внешний мир лишь сквозь кружевные занавески окон гарема [44]. Затворницы богатых теремов были характерным явлением и среди славянской знати допетровской Руси [13]. «Пурда» как принудительное затворничество¹ и метод пространственной эксклюзии женщин, широко практиковалась аристократией Индии, Персии, Византии и некоторых мусульманских стран [39].

Существенные изменения в отношении общества к свободе пространственного поведения женщины начинаются в период модернизации, с победой «Фаустовской цивилизации» [28], главными ценностями которой, определяющими все остальные, стали индивидуальная *свобода выбора* во всех сферах жизни и *рациональность* [25]. Веберовский принцип *то-*

¹ Здесь речь не идет о добровольных затворницах монашеских обителей, удалявшихся от мира для философских размышлений и духовного сосредоточения, как например, средневековая английская затворница Юлия [23].

тальной рационализации общества отразился, прежде всего, на материальной культуре эпохи в виде физических форм проявления нового права – свободы передвижения женщины в общественном пространстве.

Роль художественной литературы в формировании и имиджа пространственно-эмансипированной женщины: книги, которые мы выбираем

В конце 19-го столетия передовыми педагогами, писателями и психологами, прогрессивно мыслящей общественностью активно обсуждался вопрос о необходимости формирования нового образа женщины для индустриальной эпохи, поиска новых женских идентичностей и идеалов феминности, соответствующих реалиям времени. Было очевидно, что начинать этот процесс следует с раннего возраста. Поэтому на страницах периодических изданий и художественных произведений для детей стали появляться образы «новой девушки и девочки», призванные помочь будущей гражданке сформироваться как личности, идущей в ногу с прогрессом. Этому способствовала популярная в педагогической мысли того времени идея Руссо о том, что ребенка нельзя считать просто маленьким, недоразвившимся взрослым, а детство и юность следует рассматривать как жизненные циклы, имеющие свою собственную социальную ценность для развития и становления человеческой личности. В этом контексте новый жанр «роман для девочек» оказался востребованным читательской публикой, поскольку служил именно этим целям. Он быстро стал популярным во многих странах мира, так как благодаря ему «юная женщина наконец-то обрела собственное место в литературе» [3, с. 20]. Кроме того, создатели романов для девочек хорошо понимали, какую важную роль может сыграть книга в воспитании ребенка и поэтому своей задачей считали создание такого жанра, который дал бы возможность обсуждать с детьми серьезные вопросы девочек в доверительной и занимательной форме. Достоинством произведений этого жанра был уникальный синтез элементов просветительского и воспитательного романа, нравоучительной повести, и даже готического романа, хотя и с оглядкой на детскую аудиторию [26]. Наиболее популярными среди детей той эпохи как в Старом, так и в Новом свете, стали образы независимых, оригинально мыслящих, неординарных девочек, которые самостоятельно исследовали сложный новый мир вокруг себя, и отваживались не только бросать ему вызов, отстаивая свою собственную точку зрения, но даже спорить со взрослыми. Именно такими были юные героини романов англоязычных авторов Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» (1865), Луизы Мэй Олкотт «Маленькие женщины» (1868) и Элизабет Томасины Мид «Полли, девочка нового типа» (1889). Эти произведения, которые иногда называют «введением в постмодерн для детей» [19] привлекли внимание общественности к системе межличностных связей девочки-подростка и помогли ей обрести свою собственную нишу в мире взрослых [27]. «Маленькая женщина» в романах это-

го жанра как правило отправляется в длительные рискованные прогулки без сопровождения взрослых, осваивая незнакомое пространство вне родного дома. Она хочет «быть сильной, уметь все и жить без ограничений» [21].

Романы для девочек были популярны не только среди женской детворы и молодежи. Ими зачитывались и мальчики, и даже взрослые. Читательская публика России и русскоязычной Украины того времени запоем читала «девчоночьи романы» популярной детской писательницей Лидии Чарской. Также популярными были книги этого жанра в авторстве Веры Желиховской, Е. А. Аверьяновой, Надежды Лухмановой, Варвары Андреевской, Александры Анненской и Лидии Нелидовой (Маклаковой) [20]. В украиноязычной детской литературе новый типаж самостоятельной девочки представлен хрестоматийным образом Харыти из одноименного рассказа Ивана Франко.

В этот период даже в сказочном мире доминирование мужского начала в публичном пространстве постепенно начинает уступать место пространственному гендерному равенству и женской физической эмансипации. Увлеченность странствиями и приключениями больше не является привилегией Одиссеев и Синдбадов, Маленьких Муков и Иванов царевичей, Ивасиков-Телесиков и Котигорошков. Жизненное кредо «покинуть дом и увидеть мир» перестает быть монополией «храброго малого», ассоциируясь уже и с «храброй малышкой». Начиная с безрассудной лягушки-путешественницы, армия сказочных туристов пополняется образами целеустремленных, пытливых и бесстрашных девочек-странниц, выгодно отличавшихся от домоседки Мальвины и затворницы Рапунзель. Пространственной свободой в полной мере пользуются юные героини Андерсеновских сказок. В «Снежной королеве» преданная Герда отправляется на северный полюс, через Лапландию, чтобы спасти Кая от чар Снежной Королевы. Крохотная Дюймовочка на своем сложном пути преодолевает множество препятствий, чтобы избежать нежеланного замужества. Элли и Энни, девочки из сказки «Волшебник страны Оз» (в отечественном варианте «Волшебник Изумрудного города»), в сопровождении верных друзей отправляются в поход по сказочной стране и царству семи подземных королей. Кэрролловская Алиса смело спускается по кроличьей норе, чтобы совершить свое рискованное путешествие в загадочную страну чудес, а затем, не пасуя пред злобными обитателями Зазеркалья, успешно достигает заветной восьмой горизонтали шахматной доски. При этом «даже среди самых странных и нелепых существ она остается собой: благовоспитанной девочкой, чуждой царящему вокруг хаосу» [15].

Сказочные путешественницы стали появляться не страницах детских книг не случайно. Они отражали реалии времени, свидетельствующие о новом социальном явлении: появлении путешествующих женщин, пионерок независимой географической мобильности и пространственной коммуникации.

Пространственно-физическая эмансипация женщин: «Путь всякой плоти»

Анализируя новые возможности женщин, открывшиеся перед ними благодаря индустриальной революции, исследователи называют завоевание права на мобильность их «исключительным достижением» [30]. Стремление к пространственной эмансипации проявлялось среди прочего в увлечении женщин различными видами телесно-двигательных практик, в том числе физкультурой и спортом. Этому способствовало то, что в 19-м веке спорт занял главное место среди общественных развлечений горожан: процветал велосипедный спорт, летом был популярен теннис, зимой – катание на санях, лыжах, коньках. Особую популярность приобрело плавание [12]. Исследователи отмечают, что история включения женщин в спортивную активность демонстрирует тяжелую и затяжную борьбу с гендерными предрассудками. На фоне этого противостояния особую остроту приобретали дискуссии об интеллектуальной и биологической несостоятельности женщин, о неприемлемости нового «маскулинного» образа женщины-спортсменки. Миф об ограниченных возможностях «слабого пола» и традиционные представления о феминности значительно затрудняли достижение гендерного равенства в сфере физической и спортивной активности [8]. Движение за телесно-физическую эмансипацию выразилось, в частности, в стремлении женщин осваивать новые виды спорта, как например, легкую атлетику и бокс. Тем самым они демонстрировали свое социальное равноправие с мужчинами и биологическую полноценность. Однако, доказывая свое право и способность заниматься различными видами спортивной деятельности, спортсменки встречали непонимание не только со стороны большинства своих неспортивных сограждан, но даже со стороны основателей современного олимпийского движения [14].

Таким образом, пространственно-физическая эмансипация была сопряжена для женщин с необходимостью сопротивления традиционным формам юридического и социального подчинения, что нередко преломлялось в процесс преодоления барьеров «общепринятой морали» [42]. Одной из форм проявления этого тренда было новомодное в то время увлечение женщин т.н. «пространственной коммуникацией» или независимым туризмом. Подобный способ реализации права на свободу передвижения был несомненным вызовом общественному мнению, не поощрявшему стремления женщин к пространственной независимости, особенно в публичном пространстве. Этому процессу способствовало расширение сети железных дорог и туристического бизнеса в результате научно-технической революции, совпавшее с первой волной женского движения и появлением «женщины нового типа» [36]. Стремление совершать длительные путешествия самостоятельно, без сопровождения, и что особенно важно, отражать свои дорожные впечатления в мемуарах, означало радикальную трансформацию в социальном положении женщин и достижении ими личной самодостаточности. В этот период на общественную сцену выходит целая плеяда женщин-путешественниц, среди которых была уроженка

украинского Екатеринослава (нынешний Днепропетровск), популярный религиозный философ, ученый и 19-го столетия, основательница Теософского общества Елена Петровна Блаватская (1831-1891 гг.). В период с 1849 по 1875 гг. она практически осуществила троекратное кругосветное путешествие. Свои независимые странствия Блаватская начала в 1849 г. в Тифлисе. Сбежав от мужа, она сначала направилась на Украину, посетив Одессу и Керчь. Затем путешествовала по Турции, Египту, Греции, Восточной Европе. Следующим этапом странствий было посещение Англии, Канады, Мексики и стран Южной Америки, Индии, Европы, Америки, Японии, пересечение Тихого океана. Семь лет она провела в Тибете. Об Индии написала книгу «Из пещер и дебрей Индостана», которая была по достоинству оценена читательской аудиторией.

Однако, женщинам приходилось путешествовать по горам, лесам и пустыням в громоздкой, тяжелой одежде — длинных юбках с кринолинами, тяжелых широкополых шляпах со множеством украшений, туфлях на шпильках, что не только неудобно, но чревато травмами и ушибами, а следовательно, небезопасно для здоровья и даже жизни. Туристке нужна более практичная одежда, не сковывающая движений: брюки или шорты, легкая и комфортная обувь, мягкие и компактные головные уборы, вместительный рюкзак. Это ставило на повестку дня необходимость реформирования не только стиля женской одежды и аксессуаров, но и всей философии ее телесности, ее индивидуального пространственно-физического мира. Социальный заказ на реформу женского гардероба удачно совпал с бурными техническими инновациями периода индустриализации. Его реализации во многом способствовало конструктивное усовершенствование швейной машины популярной фирмы «Singer», основанной в 40-х гг. XIX ст. в Нью-Йорке. На конец столетия кампания имела шесть фабрик в России и несколько филиалов в Украине. Магазины швейных машин фирмы «Singer» размещались в Киеве: на Крещатике № 46 и на Подоле, по ул. Александровской № 32, а также в Виннице, Житомире, Ромнах, Бердичеве, Ривном и Чернигове [4]. Это новшество буквально вызвало революцию в практике пошива одежды. Оно предопределило массовость в культуре одежды и способствовало либерализации и гендерной демократизации женской моды.

Влияние пространственной свободы и географической мобильности на гендерную идентичность украинских женщин: новое платье королевы

Интеграция женщин в общественное пространство и обретение пространственной независимости в нем не могло не сказаться на мировоззрении и взглядах городской женщины среднего класса. Изменилось восприятие нею самой себя, своей роли в семье и обществе и соответственно — собственного телесно-физического имиджа. На протяжении второй половины 19-го столетия женщины, отстаивающие свои гражданские права, создавали новый образ

женщины как «бизнес-леди», т.е. образованной, независимой, самодостаточной особы. Для молодых женщин той поры свобода в выборе одежды была равносильна свободе в выборе образа и стиля жизни. Одежда стала одним из основных средств в достижении ими пространственной эмансипации. В соответствии с тезисом Х. Ортега-и-Гассета, в новой конституции культуры, в данном случае культуры одежды, ведущей ценностью стала витальная интенция, реализующая формы жизни [16]. Вместе с тем, основной структурирующей единицей культурного пространства стал смысл [5].

К концу 19-го столетия в индустриальных странах мира набирает силу «движение за реформу женской одежды». Его целью было обеспечение женщине физической свободы — пространственной и кинетической — посредством отказа от тяжелых, громоздких одеяний, ограничивающей движения, в первую очередь корсетов [40]. В Англии, а затем и в США, пользовалось популярностью «Общество рациональной одежды», боровшееся за освобождение женщин от неудобного, порабощающего облачения, воспринимаемого как символ порабощения женского ума [29]. В этот период у западных «эмансипе» входит в моду т.н. «блумеровский костюм» или «блумеры» — гимнастические штаны типа шаровар или трико до колен, с резинкой или на застёжке (рис. 9), изобретательницей которых является американская путешественница Элизабет Смит Миллер. Свое название они получили от имени американской суфражистки, издательницы женского журнала «Лилия» и одной из инициаторов «реформы женской одежды», Амелии Блумер, ратовавшей за введение их в употребление.

Рис. 9. Блумеровский костюм. Источник: Интернет-сайт

<http://steampunker.ru/blog/5308.html>

Цели реформы нашли поддержку и среди украинского женского студенчества, хотя «блумы» не получили распространения среди православной украинской молодежи, поскольку их основные атрибуты воспринимались как признак мусульманской идентичности, чуждой христианским традициям. Поэтому женщины в панталонах не были частым явлением на улицах университетских городов Украины, хотя отдельные сторонницы этой «гаремной моды» [11], вызывавшей шок у обывателей, на них все же появлялись. Тем не менее, брюки постепенно начали завоевывать популярность, поскольку став более демократичной, женская одежда максимально приблизилась к мужской. И если в древности женщины, одетые в брюки, подвергались мучительным пыткам святой инквизиции, а затем сжигались на костре, то во второй половине 19-го века к дамам в брюках относились уже более лояльно, но в общественные места все же не пускали.

Одной из причин популярности брюк стало распространение велосипедного спорта среди городских женщин среднего класса. Это новое увлечение заставило женщин покончить с отжившей модой, значительно осложнявшей даже такое кроткое развлечение, как велосипедная прогулка. Громоздкие, тяжелые одеяния не давали возможности держаться в седле и управлять ездой, а полы длинных платьев заплетались в спицы, задирались ветром. Поэтому поначалу женщин среди велосипедистов практически не было. Когда же велосипеды стали обычным явлением на улицах городов, женщины надели брюки и сели за руль. Но тогда это могли себе позволить только дамы высшего общества. Работницам еще долго было не до того. Когда же велосипед стал для них рабочей необходимостью, как например, для разносчиц писем, молока или белья из прачечных, они вопреки протестам и предрассудкам тоже надели брюки и отвоевали свое право на свободу передвижения.

Другой важной причиной популярности трико и брюк среди городских работниц была их задействованность в машинном производстве. Работа с техническим оборудованием требовала сноровки, высокой подвижности и физической раскованности. Длинные юбки и узкие рукава женских платьев, сковывавшие движения, была причиной высокого травматизма и, соответственно, более низких заработков. Поэтому проблема безопасности труда на фабриках и заводах требовала трансформации гардероба работниц. Трико и штаны стали самой рациональной и практичной формой решения этой проблемы.

С появлением автомобильного спорта мода городских элитных женщин, которые могли позволить себе ездить на «авто», стала еще более гендерно-демократичной. Она заставила их окончательно отказаться от корсетов и создала популярность широким коротким пальто, кожаным курткам, свитерам и гольфам. В 1896 г., когда теннис или лаун-теннис, как его тогда называли, был включен в программу олимпийских игр, разрешенных и для женщин, они выходили на поле в модных платьях, затянутых в корсет. Однако, такое одеяние было крайне неудобным для спортсменок и вскоре его заменили юбкой и кофтой. Рациональность и здравый

смысл побеждали: юбки становились все короче и легче. Любители популярных зимой лыжного и конькобежного спорта долгое время специальной спортивной формы не имели. Женщины катались в длинных юбках, полупальто и больших шляпах. И только в начале 20-го века, особенно в 1920-30-е гг., женский лыжный костюм подвергся демократизации, когда юбкам с кринолинами пришли на смену узкие трико до колен.

Однако, ни один спортивный костюм не вызывал таких оживленных споров, как купальный. Плавание становилось все более модным городским развлечением. Однако, первый купальник, представлявший собой длинный халат с большим количеством сборок у шеи, был очень непрактичным. Поэтому самые решительные женщины предпочитали этому «мешку» укороченное платье с корсетом, на манер комбинезона, а затем и вовсе пошли на неслыханную дерзость — надели тунику, стянутую у талии, и короткие штанишки. Правда, такой эпатажный пляжный костюм было принято украшать множеством лент, пуговиц, бантиков, вышивок или аппликаций, а в руках полагалось держать зонтик от загара (рис. 10).

Рис. 10. Купальный костюм начала 20-века. Источник: Интернет-сайт

<http://www.webpark.ru/comment/64565>

В начале 20-гг в. появились первые трикотажные купальники, но они настолько плотно облекали фигуру, что даже самые отважные модницы еще долго не решались показываться в них на глаза негодующей публике. И все же, несмотря на капризы моды, спортивный стиль в женской одежде становился все более популярным.

Таким образом, с изменением социальных функций, телесных практик и повседневного быта городских женщин в конце 19-го столетия в дамский костюм проникает стиль модерн. Деловая внешность женщин, которые уже могли позволить себе и работать, и путешествовать, и заниматься спортом, предусматривала соответствующую удобную одежду. Пересмотр общественных взглядов на роль женщины и идеалы феминности привел к отказу от подчеркнуто

женского силуэта. В это время в дамском гардеробе появился «костюм-тальер» (от фр. *tailleur* — костюм, скроенный портным), давший начало новому стилю одежды работающей женщины.

Он состоял из жакета и юбки и кроился из практичных тканей темных тонов: сукна, шерсти, драпа — для зимы, или парусины, хлопка, шелкового полотна — для лета [1]. Поначалу его надевали только для путешествий, прогулок и езды на велосипеде. Журнал мод писал о нем: «Уродливость современной моды — бесспорна. Жалкие узкие костюмы-тайлер, темные, скромные, стесняют, спутывают ноги» [цит. по 4]. И тем не менее, со временем он стал неотъемлемой частью гардероба работающей женщины. Несколько позже получил распространение его упрощенный вариант: комплект из темной юбки и закрытой белой блузки. Так одевались учительницы, секретарши, телефонистки, стенографистки, владелицы маленьких бизнесов (например, швейного ателье или кондитерской лавочки). Можно сказать, что осваивая публичное пространство конце 19-го столетия, образованные женщины среднего класса подвергли гендерной адаптации тренд, известный в истории моды как «великий отказ мужчин» [24], когда цвет превратился в орудие гендерной дифференциации, четко отделив «светлых» женщин (согласно представлениям эпохи, подобных ангелам, облаченным в белые одежды) от «темных» мужчин, вынужденных по роду занятий вращаться в большом «нечистом» мире и одетых в черные официальные костюмы. Когда строгий костюм стал частью гардероба образованной женщины, цвет утратил свой статус маркера пола делового человека. В этот период красота уже не «требовала жертв», а сама становилась жертвой, приносимой во имя удобства и физической свободы. Лишенная привычной эстетики одежда студенток и курсисток — этих «новых женщин», была формой демонстрации их общественных взглядов и социальных предпочтений, выражением принадлежности к определенной социальной группе, т.е. была способом позиционирования себя как новой силы общества. «Социальная репутация» [2] классической украинской «институтки», или «курсистки», т.е. студентки последней трети 19-го века, соответствовала обобщенному образу европейской образованной женщины того времени, предполагавшему нон-конформистские взгляды, экстравагантное поведение и нередко — вызывающе грубые мужские манеры [32]. Институтка изображалась как «нигилистка»: коротко остриженная мужеподобная особа, некрасивая и неопрятно одетая, с резкими движениями, очками на носу и сигаретой в зубах. Современники отзывались о ней так: «По наружному виду какой-то гермафродит, по нутру — подлинная дочь Каина» [цит. по 6, с. 90]. Женская красота того времени была «упадочная», болезненная, утверждающая андрогинный, бисексуальный тип, однако для женщин она означала «истинную свободу» [17] (рис. 11).

Переосмысливание стандарта феминности и его воплощение в образе «новой, эмансипированной женщины» не всегда воспринималось доброжелательно патриархальным обществом, обеспокоенным распространением идей «свободной любви», отрицанием православных се-

мейных ценностей, дерзким мышлением, не считавшимся с авторитетом церкви и моральных традиций. В этом контексте «женский вопрос» воспринимался не как отдельная проблема, а как одно из проявлений социальных болезней общества [18]. Упорное неприятие женской эмансипации значительной частью общественности толкало молодых девушек на еще более эпатажное поведение, иногда неожиданное даже для них самих и повергавшее публику среднего класса в настоящий шок. Хотя «институтки» были немногочисленны, сам факт их присутствия в публичном пространстве общества свидетельствовал о том, что образованная женщина обрела в нем «status quo» и добилась социального статуса наравне с мужчиной, став полноправной гражданкой с собственными социальными, интеллектуальными, эстетическими и духовными ценностями.

Рис. 11. Киевский карикатурист Федор Кадулин. Типы курсисток. Источник: интернет сайт <http://www.taday.ru/text/89321.html>

На протяжении всей истории современной цивилизации основным пространством женской социализации была приватная сфера. Это верно и в отношении украинских женщин. Их присутствие в публичном пространстве города не приветствовалось патриархальным обществом, а их занятия интеллектуальным трудом осуждались, поскольку эти социальные сферы считались привилегией мужчин. Возможности гражданской самореализации женщин ограничивались областью культуры, образования, благотворительности, причем преимущественно на частной основе. Во второй половине 19-го^о – начале 20-го столетия сложились новые условия, предоставившие доступ к технологическим и транспортным инновациям и позволившие женщинам участие в рынке труда, общественной деятельности, туризме и спорте. Экстериоризация и профессионализация женщин имела далеко-идущие последствия, оказав влияние не только на приватное пространство как традиционно женскую сферу жизнедеятельности, но и

на соціально-економічну організацію суспільства в цілому. Гендерні трансформації затронули базові соціальні інститути, включаючи сім'ю і ринок праці, обумовив в тому числі і кардинальні зміни жіночої ідентичності. В руслі общемирових тенденцій підвищення соціальної значимості жінки трансформувалася її телесно-фізичний імідж і змінилася філософія просторового поведіння. Процес освоєння суспільного простору сприяв формуванню нових соціальних цінностей покоління «нових жінок», отрицавших принцип «місце жінки — вдома» [31] і прагнувших до просторової і інтелектуальної емансипації як умовам економічної незалежності.

Проведений в даній роботі гендерний аналіз процесу становлення незалежної просторової мобільності українських жінок дозволив визначити основні способи досягнення ними просторової емансипації, якими є географічна мобільність і просторова комунікація, а також нові види телесно-фізичних практик. Крім того, робота продемонструвала, що одним з ефективних методів підспудного, недекларованого соціального контролю просторової свободи жінок є мода. Її лібералізація в кінці 19-го-початку 20-го століть в значительній ступені полегшила інтеграцію українських жінок в публічне простору і ринок праці, сприяв їх просторової емансипації через гендерну демократизацію телесно-фізичного іміджу української громадянки.

Список литературы и источников

1. Андреева Р. Р. Энциклопедия моды. — СПб.: Литера, 1997. — 412 с.
2. Вацура В. Е. Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. — СПб.: Акад. проект, 1998. Т. 1. С. 5 – 26.
3. Вестин Б. Детская литература в Швеции. — М.: Изд-во «Детская литература», Стокгольм: Швед. ин-т, 1999. — 72 с.
4. Вільшанська О. П. Мода у повсякденному житті міського населення України кінця ХІХ - початку ХХ ст. // Проблеми історії України ХІХ - початку ХХ ст. Вип. ХІV. — К.: Ін-т історії України НАН України, 2007. — С. 309 – 322.
5. Галитбарова М. И Мода как феномен культуры. Дис. ... канд. культурол. наук. — Челябинск, 2004.
6. Жидкова Е. «Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще» первые русские феминисты и женский вопрос) // Преображение. Феминистский журнал. 1997. № 5. — С. 88-96 .
7. Захаров С. Гендерная ловушка для японцев или кто наденет завтра свадебное кимоно //

Демоскоп Weekly, № 519 – 520, 20 августа – 2 сентября 2012. Часть 2. Интернет источник <http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/zacharov01.php> (дата обращения 05.09.2012).

8. Истягина-Елисеева Е. А. Женская эмансипация как фактор развития международного физкультурного спортивного движения 1860-1920 гг. // Теория и практика развития физической культуры. 2000. № 6. — С. 9 – 12.

9. Касымова С. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин? // Этнографическое обозрение, № 4, 2012. — С. 68 – 81.

10. Кибалова Л., Гербенюва О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. — Прага: Артис, 1988. — 608 с.

11. Киркевич В. Женщины в шароварах и мужчины без оных // Интернет-проект "Вашъ Киевъ". Интернет источник http://www.oldkiev.info/moda/jenshini_v_sharovarax.html

12. Колесникова Т. Европейская повседневная культура 19 века // Аналитика культурологии. Электронное научное издание, № 2, вып.17, 2010. http://analiculturolog.ru/component/k2/item/212-article_24.html

13. Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины древней Руси. — М.: Историческая библиотека, 2008. — 224 с.

14. Мягкова С.Н., Истягина-Елисеева Е.А. Развитие женского спорта в России на рубеже XIX – XX столетий // Физическая культура и спорт – проблемы, задачи и решения. Мат-лы научн. трудов. — Воронеж: ВГУ, 1998. — С. 136 – 142.

15. Назаренко М. Когда эльфы были маленькими // Реальность фантастики. 2006. № 2, вып. 30. Интернет источник <http://www.rf.com.ua/article/812> (дата обращения 18.04.2012).

16. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. — М.: Искусство, 1991. — 586 с.

17. Пономарева В., Хорошилова Л. Русское женское образование в начале XIX-го века: приобретения и потери // Мир истории: женский взгляд. 2000. № 6. — С. 22 – 48.

18. Пушкарева Н. Дерзкие и вдохновенные // Отечественная история. 2002. № 6. — С. 42 – 51.

19. Разумовский Д. А. Теология в эпоху постмодерна, или постмодерн в эпоху теологии // Научный богословский портал, 2008. URL <http://www.bogoslov.ru/text/361826.html> (дата обращения 20.04.2012).

20. Рудова Л. Девочки, красота и женственность. Постсоветские «потребительские сказки». По материалам современной литературы для девочек-подростков // Новое литературное обозрение. Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2012. № 23. Интернет источник <http://www.nlobooks.ru/node/2114> (дата обращения 30.05.2012).

21. Славова М. Т. Игра и игровое начало в беллетристике для детей // Проблемы детской литературы. Межвуз. Сб. — Петрозаводск: ПГУ, 1987. — С. 50 – 57.

22. Стил В. Корсет / Пер. с английского М. Маликовой. — М.: Новое литературное обозре-

ние, 2010. — 272 с.

23. Суприянович А. Г. Мир и представления о нем средневековой английской затворницы // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2001. № 1. — С. 149 – 165.

24. Харви Дж. Люди в черном / Пер. с английского Е. Ляминой, Я. Токаревой, Е. Кардаш. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 304 с.

25. Шемякин Я. Г. Кризис «фаустовской» цивилизации в XX веке // Фонд «Антикризис». Интернет источник http://rus-crisis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=206:206&catid=43:2009-07-27-17-57-22&Itemid=71 (дата обращения 25.06.2012).

26. Шишкова И.А. Развитие жанра «романы для девочек» в литературно-художественном процессе викторианской эпохи и образ «новой девочки» в произведениях Л.Т. Мид // Филологические науки. 2002. № 2. — С. 38 – 45.

27. Шишкова И. А. Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков (Конец XIX - XX вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2003.

28. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993. — 663. с.

29. Bates Ü. Ü. et al. Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies. — N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1983. — P. 198 – 199.

30. Braidotti R. Nomadic Subject: Embodiment and Sexual Differences in Contemporary Feminist Theory. — N. Y.: Columbia University Press, 1994. — 325 p.

31. Caine B., Sluga G. Gendering European History: 1780-1921. — L., N. Y. Leicester University Press, 2000. — 203 p.

32. Daskalova K. Bulgarian women's movement // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. — Köln, Weimar, Wien Böhlau, 2006. — P. 413 – 437.

33. Dworkin A. Right-Wing Women: The Politics of Domesticated Females. — L.: The Women's Press, 1983. — 254 p.

34. Fey I. Frou-Fous or Feminists?: Turn-of-the-Century Paris and the Latin American Woman // Strange Pilgrimages: Exile, travel, and national identity in Latin America, 1800-1990's. Fey, I. E., Racine, K. (Eds.) — Wilmington: DE, 2000. — P. 81 – 94.

35. Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. — N. Y.: The Free Press, 1963. — 148 p.

36. Grand S. The Modern Man and Maid. — L. Horace Marshall & Son, 1898.

37. John M. The Antinomies of Ruling Class Culture: The Buenos Aires Elite, 1880-1910 // Journal of Historical Sociology. 1993. V. 1. № 6. — P. 85 – 88.

38. Ko D. *Cinderella's Sisters: A Revisionist History of Footbinding*. — Berkeley, L. A.: Univer-

sity of California Press, 2005. — 332 p.

39. Minturn L., Kappor S. Sita's Daughters. Coming out of Purdah. The Rajput Women of Khala-pur Revisited. — Oxford: Oxford University Press,, 1993. — 371 p.

40. Roberts H. E. The Exquisite Slave: The Role of Clothes in the Making of the Victorian Woman // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1977. Vol. 2. № 3. — P. 554 – 569.

41. Sheller M., Urry J. The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning. 2006. № 38. — P. 207 – 226.

42. Suchmiel J. Books and Periodical on the Women's Movement and a Changing model of a Women's Education on Polish Territories at the Turn of the Nineteenth Century // Women's Move-ments: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften, Vol. 13. — Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2006. — P. 541 – 557.

43. Tolstokorova A. Who Cares for Carers?: Feminization of Labor Migration from Ukraine and its Impact on Social Welfare // International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs. 2009. Vol. XVIII. №. 1. — P. 62 – 84.

44. Ünsal Gülmez N. From “Inside” to “Outside”; from “Clan” to “City” // Kadın/Woman. 2008. Vol. 6. №.1. — P. 29 – 47.

45. Weddle S. Women's place in the family and the convent: A consideration of public and pri-vate in Renaissance Florence // Journal of Architectural Education. 2001. Vol. 55. № 2. — P. 64 – 72.